Любовь Бересова

Хозяйка Лунной улицы

Книга 2

Гостевой этаж

Любовь Вересова

Хозяйка Лунной улицы. Гостевой этаж.

«Автор»
2026

Вересова Л.

Хозяйка Лунной улицы. Гостевой этаж. / Л. Вересова — «Автор», 2026

Кажется, я наконец научилась жить на Лунной улице.У меня есть мастерская, заказы, соседи, которых я уже называю своими, и человек, которому я доверяю настолько, что дала ключ от дома.Можно было бы решить, что самое трудное осталось позади.Но мой дом явно считает иначе.Однажды в нём появляется пространство, которого прежде не было. Новые комнаты требуют ремонта, денег и, похоже, жильцов. А значит, мне снова предстоит делать то, что я умею лучше всего: разбираться с проблемами по одной и превращать старое и ненужное во что-то полезное.Только первый же гость знает о прежней хозяйке дома гораздо больше, чем должен.И чем глубже я разбираюсь в новой тайне Лунной улицы, тем яснее становится: прошлое Верены ещё не закончило со мной.А дом открыл эту дверь не случайно.Вторая книга серии «Хозяйка Лунной улицы».

© Вересова Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Комната наверху 6
Глава 2. Письмо для хозяйки 11
Глава 3. Комната без номера 15
Глава 4. Имена без адреса 19
Глава 5. Гость с медным ключом 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Любовь Вересова
Хозяйка Лунной улицы. Гостевой этаж.

Любовь Вересова
Хозяйка Лунной улицы
Книга 2

Глава 1. Комната наверху

Дом постучал в потолок ровно в тот момент, когда я решила, что наконец-то могу спокойно закончить работу.

Негромко. Всего три коротких удара — будто кто-то наверху терпеливо напомнил о себе костяшками пальцев.

Я подняла голову от тёмно-зелёной ткани, которую уже второй час превращала в новые шторы для госпожи Реми. В мастерской пахло утюгом, мятным чаем и свежим деревом: Борен накануне заменил мне полку у окна, потому что старая, по его словам, «держалась на упрямстве, а не на гвоздях».

— Я слышала, — сказала я потолку.

Дом не ответил.

Он вообще редко отвечал сразу. Гордый. Обидчивый. И за последнее время до того привыкший, что я понимаю его без слов, что иногда позволял себе почти человеческое упрямство.

Я отложила иглу, сняла очки и посмотрела на часы.

До прихода Марты за шторами для госпожи Реми оставалось чуть больше часа. На столе лежали две недошитые наволочки, в корзине — платье, которому нужно было укоротить рукава, а на кухне остывал суп. Самое разумное было бы не обращать внимания на странные стуки.

Но дом постучал снова.

На этот раз — один раз. Настойчиво.

— Если ты решил показать мне очередную трещину в стене, — предупредила я, вставая, — то сначала подумай, есть ли у нас на неё деньги.

В ответ где-то в глубине дома тихо дрогнули лестничные перила.

Вот и поговорили.

Я поднялась на второй этаж, на ходу убирая выбившуюся прядь за ухо. Здесь всегда было прохладнее, чем внизу. Солнечный свет лежал на полу длинными полосами, а старые окна слегка поскрипывали от ветра. После ремонта дом стал светлее, чище, живее — но кое-где всё ещё держал в себе прежнюю настороженность. Будто не до конца верил, что его больше не бросят.

Я тоже не всегда верила, если честно.

Коридор второго этажа заканчивался дверью, которую я раньше почти не замечала. Высокая, выкрашенная в тусклую серо-голубую краску, она всё время стояла закрытой. Не запертой — просто закрытой. За ней начиналась старая часть дома: несколько комнат, кладовая и лестница на чердак.

Сегодня дверь была приоткрыта.

Я остановилась.

— Это что ещё такое?

Дом едва заметно скрипнул половицей под моей ногой.

— Не прикидывайся, что ты тут ни при чём.

Дверь распахнулась ещё на ладонь.

За ней пахло пылью, сухой лавандой и чем-то очень старым — как пахнут сундуки, письма и забытые зимние вещи. Я вошла осторожно, привычно ожидая, что дом поможет мне: подаст света, придержит ступеньку, даст понять, если дальше идти не стоит.

Но ничего страшного не произошло.

Передо мной был небольшой холл и три двери. Одна вела в комнату с окном во двор. Другая — в тесную спальню, где у стены стояла кровать без матраса. Третья оказалась заперта.

Я открыла первую дверь.

Комната была маленькой, но удивительно уютной. Светлые стены, широкое окно, ниша для шкафа, старый камин, который давно не топили. На подоконнике стоял глиняный горшок с высохшей землёй. А в углу, под чехлом, обнаружилось кресло с резными подлокотниками.

Я медленно обернулась.

Когда-то здесь жили гости.

Не просто ночевали случайные люди, не пережидали дождь или ждали почтовый экипаж. Здесь жили гости. В комнате было всё, что нужно человеку, приехавшему в чужой город: место для чемодана, крючок для пальто, столик у окна, даже маленький колокольчик на стене.

Я коснулась его пальцем.

Колокольчик не звякнул.

Зато внизу, далеко подо мной, тихо щёлкнул замок входной двери.

Дом был доволен.

— Ты хочешь, чтобы я открыла комнаты? — спросила я.

Откуда-то из стены донёсся лёгкий стук.

Один раз.

Да.

Я села в пыльное кресло, не особенно заботясь о юбке, и несколько минут просто смотрела на комнату.

В прежней жизни я умела считать деньги, сроки, закупки и количество свободных номеров. Я знала, как пахнут гостиничные коридоры ранним утром, когда постояльцы ещё спят, а кухня уже начинает жить своей отдельной жизнью. Знала, что хороший номер — это не дорогая мебель и не золотые ручки на дверях.

Хороший номер — это когда человек входит и понимает: здесь ему рады.

Я давно не думала о гостиницах.

Сначала нужно было спасти дом. Потом — лавку. Потом — мастерскую. Потом — пережить всё то, что прошлое Верены оставило мне вместе с её именем, долгами и страхами.

А теперь я сидела в старой комнате с окном во двор и вдруг понимала: дом не просто открыл мне ещё одну дверь.

Он предлагал следующий шаг.

— Ты мог бы намекнуть помягче, — пробормотала я.

Пол под ногой тепло отозвался едва заметной вибрацией.

— Нет, конечно. Зачем? Мы же оба любим делать всё сложно.

К обеду я успела вернуться в мастерскую, закончить шторы и забыть о верхних комнатах ровно на двадцать минут.

Потом пришла Марта.

Она внесла в дом аромат свежего хлеба, корицы и собственного неистребимого любопытства.

— Ты выглядишь так, будто нашла клад, — заметила она, едва переступив порог.

— Почему сразу клад?

— Потому что, когда находят трещину в трубе, у людей другое лицо.

Я поставила перед ней чашку чая и всё рассказала.

Марта слушала, подперев щёку ладонью. Когда я дошла до слов о комнатах для гостей, она не удивилась.

— Наконец-то, — сказала она.

— Что значит «наконец-то»?

— Вера, твой дом с самого начала был слишком большой для одной лавки и одной мастерской. Даже для тебя.

— Между прочим, мне и мастерской иногда тесно.

— Вот именно. Поэтому ты и не замечаешь очевидного.

Она взяла штору, расправила складку и одобрительно кивнула.

— Комнаты хорошие?

— Будут хорошими. Пока там пыль, старые окна и кровати, которые, кажется, пережили три войны.

— Значит, приведём в порядок.

— Марта, это не новая занавеска в пекарне. Для остальных комнат нужны матрасы и умывальники, а первую надо хотя бы отмыть и проверить окно…

— И человек, который всё это устроит, — спокойно перебила она. — А он у тебя есть.

Я посмотрела на неё.

— Ты сейчас говоришь обо мне?

— А о ком же ещё? Не о Борене. Он замечательный, но если дать ему самому обустроить гостевую комнату, он поставит в неё верстак и решит, что постояльцы должны быть благодарны.

Я рассмеялась.

В этот момент дверь мастерской открылась, и на пороге появился Адриан.

Он вошёл без привычной инспекторской строгости, в тёмном пальто, с папкой под мышкой и выражением лица человека, который собирался сказать что-то официальное, но по дороге передумал.

— Я не вовремя? — спросил он.

— Конечно, вовремя, — тут же сказала Марта. — Ты как раз нужен.

Адриан посмотрел сначала на неё, потом на меня.

— Это звучит тревожно.

— Вера собирается открыть гостиницу, — сообщила Марта.

Я чуть не уронила чашку.

— Я не собираюсь. Я только думаю.

— Она уже мысленно выбрала цвет занавесок, — добавила Марта.

Адриан перевёл взгляд на меня. И в его глазах появилась та самая улыбка, от которой я каждый раз чувствовала себя глупо счастливой.

— Гостиницу? — переспросил он.

— Небольшую, — быстро сказала я. — Возможно. Когда-нибудь. Если дом не передумает и если я не передумаю раньше.

Он помолчал, потом положил папку на край стола.

— Тогда, возможно, это будет кстати.

В папке лежало заключение городской службы магической безопасности. Официальное, с печатями, подписями и длинными формулировками, которые невозможно было прочитать без желания уснуть.

Но смысл я уловила сразу.

Проверка завершена. Опасные узлы заменены. Материалы Верены признаны важными для расследования. Документы по опасной партии передали в суд.

Я провела пальцем по краю бумаги.

— Значит, всё закончилось?

— Основное дело — да, — ответил Адриан. — Остальное теперь работа суда и города. Но имя Верены очищено окончательно.

Я кивнула.

От этого не стало легче мгновенно. Не исчезли все годы, в которые её считали виноватой, слабой, неудобной женщиной, которую проще не слушать. Не вернулась сама Верена.

Но что-то в доме рядом со мной тихо выдохнуло.

Будто ему тоже стало легче.

— Поздравляю, — сказала Марта и сжала мою руку.

Адриан смотрел на меня внимательно, не торопя с ответом.

— Спасибо, — наконец сказала я. — За всё.

— Я только делал свою работу.

— Нет, — возразила я. — Не только.

Он слегка наклонил голову. Я почувствовала, как щёки становятся горячими, и немедленно решила, что самое разумное сейчас — вернуться к делу.

— Так вот. Наверху есть комнаты. Три. Наверное, когда-то там жили постояльцы.

— Наверное? — Адриан поднял бровь.

— Дом не любит подробные объяснения.

— В этом мы с ним похожи.

Марта фыркнула так выразительно, что мы оба сделали вид, будто не заметили.

— Если там действительно были комнаты для гостей, — продолжил Адриан уже серьёзнее, — это может многое объяснить.

— Например?

— Лунная улица раньше была оживлённее, чем сейчас. Здесь останавливались приезжие, торговцы, мастера. Потом люди начали обходить улицу стороной. Сначала закрылись две лавки. Потом постоялый двор у площади. Потом ушли те, кто жил здесь поколениями.

Я посмотрела в окно.

Лунная улица была моей. Не в том смысле, что принадлежала мне по документам. Она принадлежала людям: Марте с её хлебом, Борену с его вечными инструментами, Элине, которая умела появляться именно тогда, когда человеку особенно нужна поддержка. Старикам у скамьи. Детям, бегающим по мостовой. Магазинчикам с потускневшими вывесками.

И я не хотела, чтобы она снова стала местом, которое обходят стороной.

— Ты думаешь, это связано? — спросила я.

— Думаю, стоит узнать, — ответил Адриан.

Дверной колокольчик звякнул.

На пороге стояла женщина лет сорока, в дорожном плаще, мокром от мелкого осеннего дождя. У её ног стоял небольшой потёртый чемодан. Женщина выглядела усталой, но держалась с такой прямой спиной, будто усталость была для неё роскошью, которую нельзя себе позволить.

— Простите, — сказала она. — Мне сказали, что здесь шьют и чинят вещи.

— Всё верно, — ответила я. — Что вам нужно?

Она на секунду замялась.

— Вообще-то мне нужна комната. Всего на одну ночь. В гостинице у площади мест нет. А в другой… мне посоветовали не селиться на Лунной улице.

Марта выпрямилась так резко, что стул под ней скрипнул.

Я почувствовала, как где-то наверху, над потолком, дом недовольно щёлкнул старой балкой.

Женщина, кажется, поняла, что сказала что-то не то.

— Простите, я не хотела…

— Не извиняйтесь, — сказала я.

Я посмотрела на Адриана. Потом на Марту. Потом — на лестницу.

В комнате с окном во двор были целая кровать и матрас. Если Борен поможет с окном, я успею прибраться до ужина.

Я ещё раз посмотрела на промокший плащ женщины.

— Комната есть, — сказала я. — Не гостиничный номер. Пока ещё. Но чистая постель, горячий ужин и завтрак будут.

Женщина моргнула.

— Правда?

— Правда.
Она улыбнулась — осторожно, будто не привыкла, что ей помогают без лишних условий.
— Меня зовут Селина Орвей.
— Вера, — ответила я. — Добро пожаловать на Лунную улицу, госпожа Орвей.
Когда я поднялась наверх за чистым бельём, дверь в дальнюю комнату уже была открыта.
На подоконнике лежал старый ключ, которого там раньше не было.
А рядом — небольшой запечатанный конверт.
На нём выцветшими чернилами было написано:
«Открыть, когда в доме снова появится первый гость».

Глава 2. Письмо для хозяйки

Конверт был старый, плотный, с чуть потемневшими краями.

Я держала его в руках несколько секунд, и мне очень хотелось немедленно сорвать печать.

Но внизу меня ждала первая гостья.

А первая гостья, как я хорошо помнила ещё по прежней жизни, важнее любого письма, тайны и даже дома, который решил устроить из обычного вечера начало новой главы моей судьбы.

— Позже, — сказала я конверту.

Я положила его на подоконник.

Дом недовольно шевельнул оконной рамой.

— Не спорь. Ей нужна комната, а не моя способность влипать в очередную загадку.

Словно в ответ, дверца старого шкафа в углу приоткрылась.

Внутри оказалась стопка белья — чистого, аккуратно сложенного, пахнущего лавандой и солнечным летом. Я замерла.

— Это ты приготовил?

Дом скромно промолчал.

— Спасибо, — сказала я уже мягче.

Он не был прислугой и никогда ею не станет. Он не станет вместо меня менять простыни, готовить ужин или решать, кому доверять. Но иногда он помогал так, как умеют помогать только очень гордые существа: делал вид, что ничего особенного не произошло.

За следующие полчаса в доме стало удивительно шумно.

Марта принесла из пекарни корзину свежих булочек и банку сливового варенья.

— Для первого завтрака, — заявила она. — И не спорь. Гостиница без хорошего завтрака — это ночлежка с претензией.

— У нас ещё даже нет гостиницы.

— У тебя уже есть гостья. Не придирайся к формулировкам.

Борен пришёл, когда я пыталась заставить окно в комнате закрываться без скрипа.

Он молча посмотрел на раму, на мои руки, на лежащую на полу отвёртку — и покачал головой.

— Ты умеешь шить, — сказал он. — Вот и шей. Окна оставь людям с более здоровым отношением к дереву.

— Это мой дом, между прочим.

— Именно поэтому он ещё стоит.

Через десять минут окно закрывалось так плавно, будто никогда и не думало иначе.

Я заправила кровать, поставила на столик кувшин с водой, застелила кресло старым, но красивым пледом и повесила на стену маленькое зеркало, которое прежде лежало в кладовой. В комнате стало уютно.

Не роскошно.

Не идеально.

Но тепло.

По-домашнему.

Когда я спустилась вниз за госпожой Орвей, она стояла у двери мастерской и рассматривала вывеску.

— «Мастерская Веры», — прочитала она. — Красиво.

— Спасибо. Обычно здесь чинят одежду и шьют новое. Сегодня, видимо, ещё и открывают гостиницу.

Селина Орвей улыбнулась.

— Тогда мне особенно повезло.

Она была не из тех людей, которые слишком много говорят о себе. Пока я провожала её наверх, она держала небольшой чемодан обеими руками, будто внутри лежало что-то хрупкое и очень важное.

— Комната пока только одна, — честно предупредила я. — Остальные требуют ремонта.

— Мне достаточно одной.

— И у нас нет колокольчика для вызова служащих.

Она улыбнулась уже увереннее.

— Я проживу.

Когда мы вошли, госпожа Орвей остановилась на пороге.

Я знала этот взгляд.

Так смотрят люди, которые слишком долго были вынуждены обходиться малым, а потом вдруг получают не роскошь — просто человеческую заботу.

— Здесь очень хорошо, — тихо сказала она.

И в этот момент по стене прошла едва ощутимая тёплая дрожь.

Дом услышал.

Я почувствовала это так ясно, что едва не рассмеялась.

— Если что-то понадобится, — сказала я, — спускайтесь. А через полчаса будет ужин.

— Вы и ужин готовите?

— Сегодня — да. Завтра, возможно, я буду плакать над сметой и покупать ещё одну кастрюлю.

— У вас получится, Вера.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Вы так уверены?

— У человека, который подготовил комнату за полчаса, есть опасная привычка: он умеет делать невозможное обычным делом.

С этим трудно было спорить.

За ужином я накрыла стол в маленькой столовой рядом с кухней. Марта принесла хлеб, я разогрела суп, добавила тушёные овощи и заварила чай с сушёной смородиной. Адриан заглянул ненадолго, но Марта усадила его за стол раньше, чем он успел придумать приличный повод отказаться.

— Инспекторам тоже нужно есть, — сказала она. — Иначе они становятся ещё мрачнее.

— Я не мрачный, — спокойно заметил Адриан.

— Конечно, нет, — согласилась Марта. — Ты просто смотришь на булку так, будто собираешься предъявить ей обвинение.

Селина рассмеялась.

За ужином она наконец рассказала, зачем приехала в Ровель.

Оказалось, она работала с архивами и старыми семейными бумагами. В городском архиве нашлась большая коллекция записей, которую нужно было разобрать и привести в порядок: купеческие книги, планы улиц, старые договоры, частные письма.

— Среди них есть материалы по Лунной улице, — сказала она, медленно размешивая чай. — Я увидела название в списке и почему-то запомнила.

Адриан поднял взгляд.

— Какие именно материалы?

— Пока не знаю. Мне дали только опись. Но там есть планы домов, реестр торговых помещений и… — она чуть нахмурилась, вспоминая, — жалобы жителей.

— Жалобы? — переспросила я.

— Очень старые. Наверное, ничего важного. Люди часто жалуются на одно и то же: плохую дорогу, шум, соседей, налоги.

— Или на то, что улица вдруг начинает пустеть, — тихо сказал Адриан.

Селина посмотрела на него с интересом.

— Лунная улица пустела?

Я переглянулась с Адрианом.

— Долгое время, — ответила я. — А теперь понемногу оживает.

— Тогда вам стоит посмотреть эти бумаги, — сказала она. — Возможно, там найдётся что-то полезное.

После ужина Марта забрала корзину и ушла к себе — ей нужно было вставать затемно, чтобы поставить хлеб. Борен пообещал прийти утром с досками и начать ремонт соседней комнаты. Адриан задержался у двери, пока я провожала Селину наверх.

— Она кажется хорошим человеком, — сказал он, когда мы остались одни.

— Дом тоже так считает.

— Это важнее моей оценки?

— Иногда.

Он улыбнулся, но потом стал серьёзнее.

— Письмо ты открыла?

Я покачала головой.

— Нет. Оно лежит наверху.

— Вера…

— Я знаю. Если там что-то опасное, ты имеешь право проверить.

— Я не об этом. Ты не обязана разбираться со всем одна.

От этих слов внутри стало тепло.

Не тревожно. Не неловко.

Просто тепло.

— Я не одна, — сказала я.

Адриан смотрел на меня несколько секунд, потом тихо кивнул.

— Утром зайду.

Он ушёл, а я ещё немного постояла у двери, слушая, как его шаги удаляются по мокрой мостовой.

Дом не торопил меня.

И это было почти страшнее, чем его стуки и скрипы.

Наверху горела одна лампа. За дверью первой гостевой комнаты было тихо: Селина, должно быть, уже легла. Я подошла к окну, взяла конверт и долго смотрела на печать.

На ней был знакомый знак дома: круг, в котором тонкий серебряный полумесяц обнимал маленькое окно.

Я сломала печать.

Внутри лежал один лист бумаги.

Почерк был неровным, но аккуратным.

«Той, кого дом признает хозяйкой.

Если ты читаешь это письмо, значит, он снова впустил в себя гостя.

Не торопись радоваться. Дом умеет принимать людей, но Лунная улица слишком долго училась отпускать их.

В старом гостевом реестре есть имена тех, кто уехал. Найди не тех, кого вычеркнули, а тех, кого в книге нет вовсе.

И ещё: когда услышишь ветер за запертой дверью, не открывай её одна.

Верена».

Я перечитала письмо дважды.

Потом ещё раз.

В нём не было объяснений. Ни указаний, кто эти люди. Ни ответа, почему улица пустела. Только предупреждение и моё собственное имя — нет, не имя. Просто обращение к новой хозяйке дома.

Вдруг из дальнего конца коридора донёсся тихий звук.

Будто кто-то провёл пальцами по струнам.

Я подняла голову.

Третья дверь, та самая, которую я не смогла открыть днём, теперь была чуть приоткрыта.

Из щели тянуло холодным воздухом.

И пахло дождём, рекой и мокрыми осенними листьями.

Дом не звал меня.

Он предупреждал.

Я сжала письмо в руке и тихо сказала:

— Утром. С Адрианом.

Дверь медленно закрылась.

А где-то за ней один раз звякнул старый колокольчик.

Глава 3. Комната без номера

Утром дом разбудил меня запахом поджаренного хлеба.

Не моим. Я ничего не ставила на плиту и даже не успела спуститься на кухню.

Я открыла глаза, несколько секунд смотрела в потолок, а потом улыбнулась.

— Решил показать, что из тебя выйдет приличный хозяин гостиницы?

В стене тихо щёлкнуло.

— Не зазнавайся. Пока у нас одна гостья и ни одной нормальной вывески.

Дом, кажется, счёл это замечание несправедливым.

Когда я спустилась вниз, на кухне уже сидела Селина Орвей. Перед ней стояла чашка чая, а на блюде лежали тосты, которые — судя по толщине и степени подгорания — явно приготовил не дом, а я сама вечером и забыла в хлебнице.

— Доброе утро, — сказала Селина. — Простите, я не хотела вас будить.

— Вы и не будили. Это дом решил, что нам пора вставать.

Она посмотрела на меня, потом на потолок.

— Он часто так делает?

— Когда считает, что я ленюсь.

— А вы ленитесь?

— Иногда. Но он, к сожалению, помнит все мои прежние оправдания.

Селина улыбнулась. Сегодня она выглядела отдохнувшей: волосы были собраны в простой узел, дорожный плащ висел на спинке стула, а возле её чашки лежали тонкие перчатки и маленький блокнот.

— У вас замечательный дом, Вера.

Я налила себе чай.

— Он услышит и станет невыносимым.

Сверху тихо скрипнула балка.

— Вот видите, — сказала я.

Селина вдруг стала серьёзнее.

— Я не хотела говорить вчера при всех, но ночью мне приснилось странное.

Я замерла с чайником в руке.

— Странное в каком смысле?

— Не страшное. Скорее… очень настоящее. Будто я шла по этой улице, только она была другой. Ярче. В окнах горел свет, у лавок стояли экипажи, люди смеялись. А потом кто-то начал гасить фонари — один за другим.

Я медленно поставила чайник на стол.

Дом не шелохнулся.

Но воздух на кухне стал чуть прохладнее.

— Вам часто снятся чужие улицы? — осторожно спросила я.

— Никогда. Поэтому я и запомнила.

В дверь постучали.

Адриан пришёл раньше, чем я ожидала. На нём был привычный тёмный сюртук, на плече — мокрые капли дождя, а в руках — бумажный пакет с чем-то явно съедобным.

— Доброе утро, — сказал он.

— Ты принёс завтрак? — спросила я.

— Я принёс булочки.

— Это почти одно и то же.

— Я не рискнул спорить с Мартой и покупать что-то другое.

Из пакета пахло корицей.

Селина представилась, Адриан вежливо кивнул, но взгляд его почти сразу остановился на мне. Он заметил письмо, которое я держала в руках.

— Открыла?

— Да.

Я рассказала всё: и о словах Верены, и о ветре за третьей дверью, и о странном сне Селины. Адриан слушал молча. Только когда я закончила, он спросил:

— Дверь сейчас закрыта?

— Да.

— И ты не пыталась открыть её одна?

— Я умею читать предупреждения.

— Иногда мне кажется, что это твоё самое редкое достоинство.

— Спасибо. Наверное.

Он улыбнулся, но тут же стал серьёзнее.

— Сначала спросим дом. Если он не хочет, чтобы мы входили, мы не войдём.

Мне стало легче от этих слов.

Не потому, что я боялась третьей двери. Вернее, не только поэтому. Дом уже достаточно натерпелся, чтобы к нему не лезли с чужими проверками и приказами. Я не хотела снова превращать его в место, где все ищут угрозу.

Мы поднялись на второй этаж втроём.

Селина сначала хотела остаться внизу, но, увидев выражение моего лица, тихо сказала:

— Если вы не против, я пойду с вами. Вдруг мой сон был не просто сном.

Я посмотрела на Адриана. Он кивнул.

Третья дверь ждала нас в конце коридора.

Она больше не была приоткрыта. Стояла ровно, спокойно, с потускневшей медной ручкой. Только из-под неё тянулась тонкая полоска холодного воздуха.

Я подошла ближе.

— Мы не хотим навредить, — сказала я дому. — Но мне нужно понять.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом где-то внизу мягко звякнул колокольчик у входной двери.

И замок щёлкнул.

Дверь открылась.

За ней не было спальни.

Там оказалась узкая, почти пустая комнатка без окон. По стенам тянулись медные трубки, сплетённые в сложный узор. Некоторые были покрыты пылью, другие потемнели от времени. В центре комнаты стоял низкий круглый стол, а на нём лежала карта Ровеля.

Я подошла ближе.

На карте тонкими серебряными линиями были отмечены улицы. Несколько линий сходились в одной точке — на Лунной улице, у моего дома.

— Что это? — тихо спросила Селина.

Адриан присел рядом со столом.

— Старый городской контур, — сказал он. — Очень старый. Такие использовали, чтобы поддерживать свет, тепло и безопасность в торговых кварталах. Но этот… я никогда не видел его в городских планах.

Я наклонилась над картой.

Серебряная линия от моего дома шла по Лунной улице, заходила в соседние дома, тянулась к площади, потом обрывалась.

Не исчезала.

Именно обрывалась.

Будто кто-то когда-то аккуратно перерезал её.

— Вот почему улица начала пустеть, — прошептала я.

Адриан поднял на меня взгляд.

— Возможно. Если контур перестал работать, люди могли чувствовать тревогу, усталость, желание поскорее уйти. Не обязательно понимать почему.

Селина осторожно коснулась края карты.

— Во сне гасли фонари.

Мы все трое замолчали.

На полке у дальней стены стояла тонкая синяя книга. Я взяла её. На обложке выцвели золотые буквы:

«Гостевой реестр дома на Лунной улице».

Я открыла первую страницу.

Аккуратные строки, даты, имена. Кто-то останавливался на одну ночь, кто-то жил неделю. Торговцы, музыканты, семьи, молодые мастера, пожилые пары. Некоторые имена были отмечены маленьким полумесяцем на полях.

Я перелистнула дальше.

И в один момент записи стали редкими.

Потом почти исчезли.

А затем на страницах остались только даты.

Без имён.

— «Найди не тех, кого вычеркнули, а тех, кого в книге нет вовсе», — вслух прочитала я слова Верены.

Селина взяла у меня реестр.

— В архивной работе это значит, что кто-то намеренно пропустил записи, — сказала она. — Или уничтожил отдельный список.

— Кто-то не хотел, чтобы мы знали, кто приезжал сюда в последние годы работы дома, — сказал Адриан.

В этот момент одна из медных трубок в стене тихо звякнула.

Потом другая.

По комнате прошёл лёгкий порыв ветра — холодный, влажный, пахнущий рекой.

И серебряная линия на карте едва заметно вспыхнула.

Не вся.

Только короткий отрезок, ведущий от моего дома к зданию напротив.

К пустому дому с заколоченными окнами.

Я знала его. Все на Лунной улице знали. Когда-то там была чайная, потом мастерская, потом ещё что-то. Последние годы он стоял закрытым, как будто просто ждал, когда окончательно забудут о его существовании.

— Вот откуда ветер, — сказал Адриан.

— Из дома напротив? — спросила я.

— Похоже на то.

Я посмотрела на карту, потом на дверь, потом на тонкую серебряную линию.

Внутри всё неприятно сжалось.

Но вместе со страхом пришло другое чувство.

Упрямство.

То самое, которое когда-то заставило меня открыть лавку, когда все говорили, что у меня ничего не выйдет. То самое, которое помогло поверить дому, людям вокруг и себе самой.

— Хорошо, — сказала я.

Адриан нахмурился.

— Что хорошо?

— Значит, сегодня мы не будем лезть в пустой дом. Сегодня мы откроем вторую комнату для гостей, купим нормальные полотенца и заведём новый реестр.

— Вера…

— А завтра пойдём в городской архив. Селина поможет найти старые записи. Ты проверишь контур. А я выясню, кто решил, что Лунную улицу можно просто вычеркнуть из жизни города.

Несколько секунд Адриан смотрел на меня.

Потом медленно улыбнулся.

— Я не сомневался, что ты так скажешь.

Дом под нашими ногами тепло дрогнул.

Ему мой план тоже понравился.

А серебряная линия на карте вспыхнула ещё раз.

И на этот раз я увидела, что она ведёт не к одному пустому дому.

Она соединяет всю Лунную улицу.

Глава 4. Имена без адреса

Борен пришёл ровно в восемь утра.

Не в половине девятого, не «когда получится» и не после того, как заглянет в мастерскую за своими инструментами. Ровно в восемь. С досками на плече, ящиком с железками в одной руке и таким выражением лица, будто вторая гостевая комната была государственной задачей, от которой зависело будущее всего Ровеля.

— Доброе утро, — сказала я, открывая дверь.

— Неплохое, — ответил он. — Где комната?

— А поздороваться?

— Я поздоровался.

— Это было не похоже на приветствие.

— Значит, тебе показалось.

Дом в ответ на это едва слышно скрипнул половицей.

— Видишь? — сказала я. — Даже он считает, что ты невежливый.

— Дом считает, что я наконец-то займусь его окнами, а не буду слушать ваши разговоры.

Он поднялся наверх, а я осталась внизу, глядя ему вслед. За последние сутки дом словно изменился. Нет, стены остались теми же: старые, тёплые, немного неровные. Лестница всё так же поскрипывала на третьей ступени. Над дверью мастерской по-прежнему висела вывеска, которой давно требовалась новая краска.

Но теперь в доме жила гостья.

И от этой мысли всё вокруг стало немного другим.

Селина уже сидела за столом на кухне, листала свой маленький блокнот и пила чай. Перед ней стояла тарелка с булочками, которые Марта принесла ещё затемно и поставила у двери так тихо, будто боялась разбудить весь дом.

— Борен уже начал ремонт? — спросила Селина.

— Он начал с того, что посмотрел на меня так, словно я лично виновата в существовании старых окон.

— Значит, всё идёт хорошо.

Я улыбнулась и налила себе чай.

Ночью я почти не спала. Не потому, что ждала ветра за третьей дверью. Дом закрыл её крепко, я чувствовала это. Просто письмо Верены лежало под подушкой, и его слова не давали мне покоя.

Найди не тех, кого вычеркнули, а тех, кого в книге нет вовсе.

Легко сказать.

Я могла представить себе вычеркнутые имена. Чернила, линия, чужая рука. Но как искать тех, кого не записали? Как доказать, что кто-то был здесь, если от него не осталось даже строчки?

— О чём думаете? — спросила Селина.

Я вздрогнула.

— О людях, которых нет в книге.

Она закрыла блокнот.

— Тогда нам нужно идти в архив.

— Прямо сейчас?

— Пока вы не успели передумать.

— Я не передумываю.

— Это хорошо. Архив не любит, когда к нему приходят без решимости.

— А ещё он, наверное, не любит пыль, сквозняки и людей с чашкой чая между полками?

Селина улыбнулась.

— На самом деле он не любит только одного: когда от него требуют быстрых ответов.

В дверь постучали.

На пороге стоял Адриан. Сегодня он был без папки и без официального плаща городской службы — только в тёмном пальто, с мокрыми от дождя волосами и двумя бумажными пакетами в руках.

— Я принёс завтрак, — сказал он.

— Мы уже завтракаем, — заметила я.

— Тогда я принёс повод завтракать ещё раз.

Он поставил пакеты на стол. В одном оказались яблоки, в другом — тонкие лепёшки с сыром.

Марта, конечно, будет недовольна, что кто-то попытался накормить людей помимо неё.

— Не говори ей, — тихо сказала я.

— Я всё слышу!

Голос Марты донёсся с улицы так неожиданно, что Селина рассмеялась, а Адриан виновато поднял глаза.

Через окно я увидела Марту. Она стояла у своей пекарни, придерживая дверь плечом, и смотрела на нас с тем выражением, с каким обычно смотрят на детей, которые слишком рано решили стать взрослыми.

— Я не вмешиваюсь, — крикнула она. — Просто напоминаю: гостья должна быть сыта, хозяйка — тоже, а инспектору полезно иногда есть не на ходу!

— Это не приказ, — пробормотал Адриан.

— Конечно, приказ, — сказала я. — Просто очень добрый.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло тепло.

Совсем ненадолго.

Но я всё равно почувствовала, как почему-то стало легче дышать.

Через час мы с Селиной и Адрианом шли по мокрым улицам Ровеля. Дождь почти закончился, но с крыш всё ещё капала вода, а мостовая блестела, отражая серое небо и редкие огни фонарей.

Архив находился у старой ратуши, в длинном каменном здании с высокими узкими окнами. Я проходила мимо него десятки раз, но никогда не замечала, каким он был большим.

Наверное, потому что раньше мне не приходило в голову, что где-то за его стенами могут лежать ответы на вопросы моего дома.

Внутри пахло бумагой, пылью, древесиной и чем-то сухим, терпким — словно осенью, когда листья уже убрали с улиц, но их запах ещё держится в воздухе.

Селина уверенно повела нас по коридору.

— Вы здесь давно работаете? — спросила я.

— Иногда мне кажется, что всю жизнь, — ответила она. — На самом деле — девятый год.

— И вам не скучно?

Она остановилась у тяжёлой двери с латунной табличкой.

— Вера, архивы никогда не бывают скучными. Скучными бывают люди, которые считают, что старые бумаги ничего не значат.

Адриан тихо кашлянул.

— Я ничего не говорил.

— Но подумали.

— Возможно.

Селина открыла дверь ключом.

Комната была заставлена высокими шкафами. На полках стояли коробки, папки, свитки и книги всех размеров. Одни переплёты были новыми, другие потрескались от времени. В центре стоял длинный стол, заваленный картами.

— Вот, — сказала Селина. — Здесь у нас планы улиц, разрешения на строительство, торговые реестры и городские журналы.

— А жалобы жителей? — спросила я.

Она подошла к дальнему шкафу.

— Внизу. Самые старые — за последние сорок лет.

Пока Селина искала нужные папки, Адриан развернул на столе копию карты из комнаты без номера. Серебряных линий на ней, конечно, не было. Только названия улиц, чёткие границы кварталов и старые обозначения водопроводных каналов.

Он нахмурился.

— Посмотри сюда, — сказал он мне.

Я подошла ближе.

На карте Лунная улица была отмечена тонкой чёрной линией. Вокруг неё — дома, лавки, маленькая площадь, мост через реку.

Но рядом с домом напротив моего стоял странный знак: круг, перечёркнутый тремя короткими штрихами.

— Что это? — спросила я.

— Не знаю. В современных планах такого обозначения нет.

— А в старых?

— Поэтому мы здесь.

Селина принесла три толстые папки и положила их на стол.

— Жалобы жителей Лунной улицы. Торговые разрешения. И список городских работ за последние тридцать лет.

— Вы так быстро нашли? — удивилась я.

— Я говорила, что архив любит решительных людей.

Первые полчаса мы читали почти молча.

Я не знала, что можно столько жаловаться на одну улицу.

Кому-то мешал шум от тележек у площади. Кому-то — запах пекарни. Кому-то казалось, что соседская кошка слишком часто сидит на его подоконнике.

Я уже начала думать, что письмо Верены завело нас в тупик, когда Селина вдруг выпрямилась.

— Вот.

Она подвинула ко мне тонкий лист бумаги.

Жалоба была написана неровным почерком. Чернила выцвели, несколько слов расплылись от воды.

«На Лунной улице опять гаснут фонари. Люди уезжают без причины. Вчера семья Керна снялась за один вечер, лавку закрыли, ключи оставили соседям. Говорят, им нужно ближе к площади. Но они всю жизнь были здесь. Прошу проверить ночные шумы у старой чайной».

Внизу стояла дата.

Двадцать семь лет назад.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Старая чайная — это дом напротив, — тихо сказала я.

Адриан наклонился к листу.

— Есть ещё жалобы?

Селина быстро перебрала папку.

— Да. Здесь несколько. Все примерно за один год.

Она разложила листы рядом.

«Ветер идёт из запертого дома».

«Мой сын просыпается ночью и просит уехать».

«Гости не задерживаются даже на одну ночь».

Последняя жалоба была написана рукой Верены.

Я узнала почерк сразу. Такие же ровные буквы, как в её письме.

«Прошу проверить городской контур на Лунной улице. Дом ведёт себя тревожно. Он пытается удержать тепло, но ему не хватает сил».

Подпись внизу едва читалась.

Верена Ларн, хозяйка гостевого дома.

Я смотрела на неё долго.

— Значит, она уже тогда знала, — прошептала я.

— Знала, что с контуром что-то не так, — сказал Адриан. — Но, возможно, никто не захотел её слушать.

Это было слишком знакомо.

Я вспомнила официальные бумаги, которые он принёс вчера. Годы, когда Верену считали неудобной, виноватой, слишком настойчивой. Женщиной, которая видит опасность там, где другим проще ничего не замечать.

Дом где-то далеко, на Лунной улице, будто отозвался слабой болью.

Я положила ладонь на лист.

— Мы её услышим, — сказала я. — Хотя бы теперь.

Селина тем временем листала торговый реестр. Вдруг она резко втянула воздух.

— Вера. Посмотрите.

На странице были перечислены гости дома за последний год перед тем, как он закрылся. Несколько знакомых имён. Музыкант. Пара торговцев. Женщина с дочерью.

А потом — пустота.

Не вычеркнутые строчки.

Не оборванные записи.

Чистая полоса бумаги между двумя датами.

Но дальше записи снова появлялись.

— Кто-то вырезал лист, — сказала Селина. — Очень аккуратно. Потом подклеил соседние страницы.

— Можно понять, что там было? — спросила я.

Она наклонила книгу к свету.

— Бумага помнит нажим пера.

Я не сразу поняла, что она имеет в виду.

Селина достала из ящика тонкую пластинку из дымчатого стекла и положила её на страницу. В стекле загорелся слабый синий свет.

Постепенно на пустом месте проступили едва заметные вдавленные линии.

Имена.

Не все — только несколько.

Ирина Валь.

Томас и Мейра Ренн.

Эмиль Фарро.

А рядом с каждым именем стояла одинаковая короткая пометка:

«Направлены в дом напротив».

В комнате стало очень тихо.

— Направлены кем? — спросила я.

Адриан перевёл взгляд на последнюю строчку.

Там, где должна была быть подпись, сохранился отпечаток круглой печати.

Круг.

Три коротких штриха.

Тот же знак, что стоял на старом плане у пустого дома напротив.

— Я узнаю этот символ, — медленно сказал Адриан. — Это знак старой службы городских переходов.

— Что это значит?

Он помолчал.

— Значит, дом напротив не был просто чайной. Там находился один из узлов городского контура.

Селина посмотрела на нас.

— И туда отправляли ваших гостей?

— Похоже, да.

Я вспомнила тёмные окна. Заколоченную дверь. Холодный ветер под третьей дверью.

А потом подумала о людях, чьи имена кто-то вырезал из реестра.

Людях, которых не вычеркнули.

Потому что для этого их сначала нужно было записать.

— Мы не пойдём туда сегодня, — сказала я.

Адриан кивнул, будто именно этого и ждал.

— Сначала выясним, кто имел право пользоваться этим узлом. И почему он был закрыт.

Я взяла реестр в руки.

Под пальцами старая бумага была тёплой.

Почти живой.

— А вечером, — добавила я, — мы откроем вторую комнату.

Адриан удивлённо посмотрел на меня.

— Вера, это не слишком… неожиданно?

— Нет. Это правильно.

Я закрыла книгу.

— Кто-то слишком долго пытался сделать так, чтобы люди уходили с Лунной улицы. Значит, нам пора дать им повод остаться.

Когда мы вернулись домой, Борен стоял на лестнице, весь в пыли, с кистью в руке.

— Ну? — спросила я.

— Комната готова.

Я поднялась наверх.

Во второй гостевой комнате пахло свежим деревом, лавандой и краской. Окно больше не скрипело. На кровати лежало чистое покрывало, а на столике стояла маленькая вазочка с веткой поздней рябины.

— Это ты поставил? — спросила я Борена.

Он нахмурился.

— Марта.

— Конечно Марта.

Дом тепло дрогнул вокруг нас.

Словно одобрял всё сразу: комнату, новую книгу для гостей, наши планы, даже ветку рябины на столе.

А потом внизу тихо звякнул дверной колокольчик.

Я спустилась.

На пороге стоял молодой мужчина в дорожном плаще. За его спиной моросил дождь, а у ног лежал потрёпанный саквояж.

— Простите, — сказал он. — Мне сказали, на Лунной улице снова можно остановиться на ночь.

Я посмотрела на него, потом на тёплое окно гостевой комнаты наверху.
И впервые ответила без сомнений:
— Можно. Добро пожаловать.

Глава 5. Гость с медным ключом

— Можно. Добро пожаловать.

Молодой мужчина на пороге словно не сразу поверил, что услышал именно это.

Он перевёл взгляд с меня на вывеску мастерской, потом на тёплые окна дома и неловко поправил ремень своего саквояжа.

— То есть… у вас правда есть свободная комната?

— Есть. Одна. Вторая только сегодня закончена, так что вы будете её первым постояльцем.

— Тогда я постараюсь ничего в ней не сломать.

— Это очень разумное начало знакомства.

Он улыбнулся.

У него было открытое, немного усталое лицо и светлые волосы, которые дождь превратил в беспорядочные пряди. На рукаве плаща темнело пятно от чернил.

— Меня зовут Леон Арден, — представился он. — Я приехал из Эстры по работе. Мне нужно остаться до послезавтра, если это возможно.

— Вера. И да, возможно.

— Вы хозяйка?

Я на секунду замялась.

Ещё вчера я бы ответила: «Хозяйка мастерской». Или просто назвала своё имя. Но за моей спиной тихо, почти одобрительно дрогнула половица.

— Хозяйка, — сказала я.

И почему-то от этого слова стало тепло.

Я провела Леона наверх. Борен уже ушёл — оставил на лестнице щепку, запах свежего дерева и записку из трёх слов: «Окно не трогать».

Вторая комната оказалась лучше первой.

Не потому, что в ней было больше мебели или красивее стены. Просто она была совсем новой для дома. Чистой, тихой, с бледно-зелёными шторами, которые я сшила из ткани, найденной в старом сундуке. На подоконнике стояла ветка рябины, а над кроватью висела маленькая картина с рекой.

Леон вошёл и остановился.

— Здесь… хорошо, — сказал он.

Я уже знала этот тон.

Люди говорили так не о комнате. Они говорили о возможности наконец-то выдохнуть.

— Если замёрзнете, скажите. В доме тепло, но он иногда бывает слишком уверен в себе.

— Дом?

— Долгая история.

— У меня есть время.

— Тогда расскажу за ужином.

Он поставил саквояж на кровать. Что-то внутри тихо звякнуло.

Леон тут же нахмурился, открыл застёжку и быстро прикрыл вещи ладонью.

— Простите. Ничего опасного.

— Я и не думала, что опасное обычно предупреждает о себе звоном.

— В этом вы правы.

Он сказал это слишком серьёзно для обычной шутки.

Но я не стала спрашивать.

У каждого, кто приезжает в чужой город, есть вещи, о которых он готов рассказать только тогда, когда поймёт: его действительно будут слушать.

Внизу уже ждала Селина. Перед ней лежал новый гостевой реестр — толстая тёмно-синяя книга, которую я купила в лавке канцеляриста по дороге из архива.

На первой странице я написала:

«Гостевой дом на Лунной улице. Новый реестр».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.